

7 OKT 1954

Москва

Газета №

Театр высокого мастерства

ГАСТРОЛИ Государственный польского театра в Москве завершены. Теперь все разнообразные, яркие впечатления, которые дал зрителям каждый спектакль в отдельности, слились в нашем сознании в единое, цельное представление о сценическом искусстве близкого нам народа, о мастерстве его лучшей труппы. Польский театр так построил свой гастрольный репертуар, что зрители-москвичи сумели познакомиться с его творческими силами и творческими возможностями в полном их объеме. Артисты театра выступили перед нами и в современной трагедии, и в изящном старинном водевиле, и в социально-психологической драме, и в сатирической комедии, в русской и западной классике, в пьесах, принадлежавших перу польских классиков и писателей наших дней. Следовательно, наше знакомство с творчеством лучшего театра Польши было обстоятельным, всесторонним.

Какие черты, присущие искусству этого театра, произвели самое сильное впечатление? Без ошибки можно сказать, что более всего порадовало требовательных московских зрителей то верное, точное, глубокое чувство формы и законов жанра, которое свойственно польским артистам и режиссерам. Особенность их мастерства заключается в том, что какая бы ни игралась пьеса — корнелевский «Сид» или «Чужая тень» Константина Симонова, инсценировка «Куклы» Болеслава Пруса или «Вишневый сад» Чехова — польские артисты, непринужденно и естественно сохраняя верность стилю автора и требованиям жанра, всегда стремятся к тонкой психологической разработке ролей, к воспринятию всех оттенков чувства и мысли своих персонажей. Это — тонкое психологическое искусство, заключенное в неизменно изящную и простую форму.

А. Абрикосов,
народный артист РСФСР,

Глубоко возмущавший московских зрителей спектакль «Юлиус и Этель» Леона Кручковского в этом смысле — весьма характерное произведение. Трудности, стоявшие перед театром при постановке этой пьесы, вполне очевидны. Автор воссоздал в ней реальную трагедию, совсем недавно наполнившую гневом и состраданием сердца всех честных людей земного шара, — трагедию борцов за мир Юлиуса и Этель Розенбергов, безвинно казненных на электрическом стуле по приговору американских судей. Действие пьесы происходит в мрачной камере тюремных Синг-Синг и в не менее мрачном кабинете прокурора. Охватывает оно всего несколько часов, и это — последние часы героической жизни Розенбергов. Ясно, что постановка такой пьесы могла прозвучать горестно, мрачно, могла вызвать ощущение жестокого торжества грубой силы современного варварства над человеческим достоинством. Но этого не произошло.

В первую очередь это заслуга режиссера Александра Бардини, создавшего спектакль удивительно ясный и благородный, простой и строгий, сдержанный и страстный. Гибель Розенбергов воспринимается как героический акт сопротивления преступным силам войны, как победа человеческого духа над мерзостью современного фашизма. В этом — пафос пьесы и пафос спектакля.

Тадеуш Кондрат, играющий Юлиуса Розенберга, далек от стремления придать своему герою черты эффектного величия. Благородство Юлиуса, его сила и величие предстают перед

нами в скромном, непритязательном облике худого и нескладного, узкоплечего и тихого человека. Сквозь стекла очков смотрят добрые, усталые глаза. Негромко, обыденно звучит ровный и мягкий голос. Но силой актерского таланта этот, словно ушедший в себя, тихий и любящий семейный вырисовывается перед нами во всей красоте непреклонной души, кристальной честности и высочайшего мужества.

Этель в замечательном исполнении Галины Миколайской более подвижна, более хрупка. Порой она кажется слабой, незащищенной, близкой к поражению. Но в те минуты, когда Этель трепетно рвется к жизни, к детям, к счастью, актриса с особой остротой и болью раскрывает все великое значение самоотверженности, с которой идут к смерти Розенберги. А наинишней, с которой она удивляется бесцеремонно, тупо, жестоко следователей и суда, отзывается в сердцах зрителей острой болью. В этом женственном существе заключены непреклонная воля, целомудренная честность.

Спектакль «Юлиус и Этель» воспринимается как мужественная и гневная песнь о подвиге. Все средства, которыми располагает театр, — искусство режиссуры и актеров и талант отличного художника Отто Аксера — направлены к одной цели — к созданию подлинно героического напряжения духа, которое необходимо для верного раскрытия трагедии.

Но вот что театр ставит сатирическую комедию Ежи Юрандоты «Такие времена», и искусство тех же артистов, искусство, которое еще вчера было столь гневным и суровым, становится вдруг непринужденно легким, забавным, озорным... Все то же уверенное, отчетливое, точное мастерство движет актерами в

этой боевой, смелой и умной сатире. В комедии, повеселившей многих московских зрителей, в том числе и весьма искушенных в искусстве, рассказывается о забавных происшествиях, случившихся на небольшом заводе. Нет пужды пересказывать эти происшествия. Достаточно сказать главное: они при всей их незамысловатости позволили польским артистам снова раскрыть зрителям правду современности — на этот раз в совершенно новом жанровом изложении. Тот же Тадеуш Кондрат, который в спектакле «Юлиус и Этель» показал себя трагиком большого мастера, в «Таких временах» неожиданно обнаружил богатое комедийное дарование. Глубочайшая внутренняя сосредоточенность сменялась здесь непринужденным, свободным общением со зрительным залом, способностью смотреть на своего забавного героя как бы со стороны. Четкость и сдержанность внешнего рисунка, которые продемонстрировал артист в роли Юлиуса, здесь, в комедии, уступили место выразительной и смелой подвижности, быстроте, легкой и острой динамике. Да и весь спектакль в целом пленяет истинно комедийной щедростью красок, изобретательностью, обилием хорошо подмеченных комичных бытовых деталей. Сатира выступает здесь в обязательном для нее ярком, комедийном наряде. Она не боится преувеличений, не чурается откровенной насмешки, она проникнута здоровой, радостной уверенностью в торжестве нового, передового.

«Такие времена!» Это название звучит как победоносный девиз комедии о времени, когда все старое, дурное отступает и прячется под настырком смелых, победоносных сил социалистического строительства.

Столь же проникновенное, глубокое ощущение жанра продемонстрировал Польский государственный театр и в других своих спектаклях. Известно, что постановка чеховских пьес всегда представляла большую трудность для зарубежных театров. Чтобы воссоздать в спектакле особую чеховскую атмосферу, обнару-

жить скрытый драматизм произведений этого великого и своеобразного писателя, надо проникнуть не только в особенности его литературной манеры, но и в правду современной Чехову русской жизни. Тот факт, что спектакль Государственного польского театра «Дядя Ваня» удостоился одобрения мастеров МХАТ, где драматургия Чехова получила свое подлинное сценическое рождение, показывает, каких значительных успехов достигли польские режиссеры и артисты даже на этом труднейшем участке своего творчества. Правда, порой, как это уже отмечалось в нашей печати, Чехов звучит со сцены Польского театра несколько упрощенно, некоторые тончайшие чеховские психологические оттенки ускользают от внимания актеров. Но следует учесть, что польские друзья решились выступить на суд московских зрителей со своим первым чеховским спектаклем. И если в этом спектакле целый ряд образов получил верное, интересное и значительное воплощение, если режиссер Мария Верцинская сумела передать не только чеховский лиризм, но и жизнеутверждающую силу чеховского искусства, то это означает, что «ключ» к Чехову найден. Надо думать, что следующие чеховские спектакли Польского театра будут уже более зрелыми.

Искрометная, легкая и тонкая намеренность старинного водевиля Александра Фредро «Муж и жена», публицистичность и политическая острота «Чужой тени» К. Симонова, высокая героика корнелевского «Сид», серьезный и детальный психологический рисунок «Куклы» Болеслава Пруса — все эти различные сферы сценического искусства оказались доступными мастерству польских актеров. Во всех пьесах своего репертуара — и в тех, которые недавно вышли из-под пера писателей, и в тех, которые живут уже столетия, — польские режиссеры и актеры проявили острое, живое чувство современности.

Вот почему сейчас, когда завершились гастрольные наши друзья в Мо-

скве, с глубокой благодарностью думаешь о таланте режиссеров Эдмунда и Марии Верцинских, Александра Бардини, Богдана Коженевского, Яна Кремара, Мариана Выжиковского. Спектакли Польского театра хорошо познакомили нас с этими интересными мастерами, во главе которых стоит замечательный, глубокий художник, подлинный творческий лидер всей труппы — Бронислав Домбровский.

Думаю, что я не ошибусь также, если скажу, что многие успехи Польского государственного театра объясняются тонким вкусом и зрелым творческим опытом его литературного руководителя — крупнейшего писателя современной Польши, выдающегося борца за мир Леона Кручковского.

Советские зрители высоко оценили актерское мастерство замечательных деятелей польской сцены — Мечислава Цыклинской, Северины Бронининой, Марии Дулембы, Кароля Алентовича, Александра Зельверовича, Ежи Лешинского и многих других зрелых и молодых артистов.

Для меня, как и для всего коллектива театра имени Евг. Вахтангова, встреча с польскими артистами не была первой. Год назад наш театр пережил счастливые дни выступлений в народной Польше. Совсем недавно в Польше гастроллировал и московский Малый театр. Дружба советского и польского народов находит в этом обмене театрами одно из самых реальных и наглядных своих выражений. Вот почему успех гастролей Государственного польского театра в Москве особенно знаменателен. Он красноречиво говорит о тесной близости двух братских культур — советской и польской, он демонстрирует радостное взаимопонимание народов, он обещает дальнейшее развитие прочных связей между ними.

Редактор А. А. ФОМИЧЕВ.